

CORRELATION OF GRAMMATICAL AND SEMANTIC PARAMETERS IN PORTUGUESE CHANGE-OF-STATE VERBS

D.L. Gurevich

Lomonosov Moscow State University
119991, 1-51 Leninskie gory, Moscow, Russia

Abstract. Verbs denoting change of state are a semantic-syntactic universal as they share common patterns in languages of different types. One of such patterns is their ability to take part in causative-inchoative alternation when one and the same situation codified by certain language units can be seen both from the viewpoint of the actor vs recipient (transitive model) and from the viewpoint of the recipient only, provided that the recipient is the only agent in the verb's structure (inchoative model), unlike in passive constructions. In causative-inchoative alternation situations these verbs choose one of the three alternation types: a) suppletive (*matar – morrer*), b) anticausative, when the inchoative meaning is codified morphologically with the help of the pronominal particle *se* (*espantar – espantar-se*) and c) labile, when the inchoative meaning is optionally marked by *se* without any change in grammaticality or semantics. The present paper argues that the choice of pronominal or non-pronominal form of the verb in the inchoative meaning with an inanimate subject (*A janela (se) quebrou*) depends on the parameter of animate / inanimate subject in the corresponding transitive construction and, to a certain extent, on the graduality inherent to the verb's semantics (the acceptability of quantification). It is also shown that Brazilian Portuguese reveals the tendency to realize the labile type of alternation when the subject of the inchoative verb is inanimate; in Old Portuguese, on the contrary, the anticausative type (marked by *se*) was more frequent.

Key Words: the Portuguese language, Brazilian Portuguese, morphosyntax, semantics, actionality, change-of-state verbs, causative-inchoative alternation, pronoun *se*

СООТНОШЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОГО И СЕМАНТИЧЕСКОГО ПАРАМЕТРОВ У ГЛАГОЛОВ ИЗМЕНЕНИЯ СОСТОЯНИЯ В ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Д.Л. Гуревич

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1-51

Аннотация. Глаголы изменения состояния являются семантико-синтаксической универсалией и обладают сходными особенностями в языках разных типов, одной из таких особенностей является способность глаголов изменения состояния входить в отношения каузативно-инхоативного чередования, когда одна и та же концептуализируемая языковыми средствами ситуация может быть представлена с точки зрения деятеля и получателя действия (переходная модель – *O menino quebrou a janela* «Мальчик разбил окно») или только с точки зрения получателя действия, который является единственным, в отличие от классического пассивного залога, актантом глагола (инхоативная модель – *A janela se quebrou* «Окно разбилось»). При каузативно-инхоативном чередовании португальские глаголы изменения состояния выбирают одну из трёх моделей: супплетивную (*matar vs morrer*: *O caçador matou o lobo* «Охотник убил волка» vs *O lobo morreu* «Волк умер»); антикаузативную, когда инхоативное значение маркируется морфологически при помощи прономинального элемента «se» (*espantar vs espantar-se*: *O cão espantou o menino* «Собака испугала мальчика» vs *O menino se espantou* «Мальчик испугался») и лабильную, когда инхоативное значение факультативно маркируется при помощи «se» (*Meu peso estabilizou vs Meu peso se estabilizou* «Мой вес стабилизировался»). Реализация лабильного типа особенно характерна для бразильского варианта португальского языка и рассматривается в статье, где показано, что выбор прономинальной или непрономинальной формы глагола в инхоативном употреблении при неодушевлённом подлежащем (*A janela (se) quebrou*) зависит от параметра одушевлённости / неодушевлённости подлежащего в переходной модели, а также частично зависит от градуативных возможностей в семантике глагола (способность глагола допускать квантификацию: *O amor (se) esfriou muito* «Любовь совсем остыла»). Также показано, что бразильский вариант португальского языка имеет тенденцию к реализации лабильного типа каузативного чередования при неодушевлённом подлежащем в инхоативной модели по сравнению со старопортугальским языком, где антикаузативная модель (маркированная с помощью *se*) встречалась чаще.

Ключевые слова: португальский язык, бразильский вариант португальского, морфосинтаксис, семантика, акциональность, глаголы изменения состояния, каузативно-инхоативное чередование, местоимение *se*

1. Введение

Глаголы изменения состояния, обнаруживающие ряд семантико-синтаксических особенностей, неоднократно являлись предметом описания с учётом как их универсальных черт, так и частных проявлений в различных языках индоевропейской языковой семьи и за её пределами. К работам общего характера можно отнести, среди многих других, [2; 3; 6; 11; 16; 18]; особенности глаголов изменения состояния в иберо-романских языках, в частности в испанском и португальском описаны, например, в [12; 19; 21]. В работах общего и частного плана представлены основные семантические ограничения, характерные для глаголов изменения состояния, например, [16; 18], и базовые для этих глаголов синтаксические модели, конкретно – способность таких глаголов участвовать в так называемом каузативно-инхоативном чередовании. Речь идёт об употреблении одного и того же глагола (реже – разных глаголов) в переходном (каузативном) и непереходном (инхоативном, антикаузативном, эргативном) значении для описания одного и того же события, в первом случае с участием как деятеля (агенса), так и получателя изменяемого состояния (пациенса), во втором случае без участия агенса, например, в португальском: *quebrar-quebrar-se* «сломать(ся)», «разбить(ся)», *derreter-derreter-se* «растопить» – «растаять».

1. *O menino quebrou a janela de casa.*
ART мальчик разбить 3sg perfect ART окно prep GEN дом
«Мальчик разбил окно в доме»
2. *A janela se quebrou.*
ARTокно REFL разбить3sg perfect
«Окно разбилось»

Модель типа (1) реализует каузативные отношения (отношения воздействия) между источником изменения состояния (агентом либо инструментом) и носителем изменяемого состояния (пациентом). Модель типа (2) реализует инхоативные отношения (отношения становления, приобретения состояния или свойства) между пациентом и собственно свойством, обозначенным корнем глагольной лексики (QUEBRar – разБИТЬся). В разных языках инхоативное значение может иметь или не иметь собственный грамматический показатель [16, p. 92; 23; 2]. В португальском языке для глаголов, участвующих в каузативном чередовании, таким показателем, как правило, является прономинальный элемент *se*. Однако его наличие не всегда строго обязательно:

3. *A janela (se) quebrou;*
4. *O peso (se) estabilizou;*
5. *O amor (se) esfriou.*

В примерах (3)–(5) элемент *se* факультативен, он не влияет на грамматическую правильность предложения и, что не менее важно, не модифицирует инхоативного значения глагола (значения изменения состояния), глагол в примере (3) прочитывается как «[окно] разбилось», а не как «разбило», в примере (4) – как «[вес] стабилизировался», а не «стабилизировал», в примере (5) – как «[любовь] остыла», а не как «остудила», то есть глагол может вести себя как антикаузативный (иметь прономинальный элемент), и как лабильный (не иметь прономинальный элемент). Критерии выбора прономинального элемента составляют основную проблематику данной статьи.

2. Типы глаголов изменения состояния

Прежде, чем мы перейдём к подробному анализу материала, необходимо уточнить некоторые теоретические положения, а также ряд формальных моментов.

Что касается теоретической модели описания, мы намеренно не придерживаемся традиционных для грамматического анализа терминов типа «активный залог», «пассивный залог», «возвратный залог», «взаимный залог», выделяемых, например, Л. Теньером [22], который использовал понятие «диатеза» в том же значении, что и «залог», или для общепринятых в португалоязычной грамматической традиции описаниях трёх типов залогов в португальском языке – «voz ativa», «voz passiva», «voz reflexiva» / «voz média» – и их частных случаев [10, p. 222–223; 13, p. 219–220; 14, p. 395] или в более современных грамматиках и лингвистических справочниках [9, p. 270; 24]. Традиционное деление на типы залогов опирается на синтаксическую функцию членов предложения [см., например, подробнее в [5, p. 260–261]. Подобный подход, «работающий» для других типов синтаксического анализа, оказывается бесперспективным в нашем случае, так как один из возможных грамматических маркеров «традиционного» пассивного или возвратного залога, – местоимение «*se*» – в ряде ситуаций может опускаться, как в примерах (3)–(5). Это приводит к формальному неразличению типов залога, а функции активного либо пассивного залога могут быть приписаны только с помощью «здорового смысла», который опирается на семантику существительного при глаголе, когда референту существительного приписываются те или иные свойства: например, в предложении «*A janela quebrou*» окно не может кого-то разбить, а может только разбиться само.

Мы также не прибегаем к термину «диатеза» вследствие его размытости и неоднозначности. Для одних исследователей он является синонимом термина «залог»: например, Л. Теньер объединяет в термине «*diathèse*» значения традиционно выделяемых залогов [22, p. 262], а Э. Бешара ставит знак равенства между понятиями «*voz*» и «*diátese*» [10, p. 213]. В то же время, большинство других исследователей трактует понятие «диатеза» более широко, а именно как «соответствие между семантическими и синтаксическими аргументами» глагола ([5, p. 258], а также, например, [15, p. 431]), причём такая же трактовка, опирающаяся на отношения между синтаксической функцией и семантической ролью, может описываться в современных португалоязычных грамматиках не в терминах «диатеза», а в терминах «залог» [9, p. 270], что свидетельствует об определённой конкуренции этих терминов.

В данной работе мы также придерживаемся семантико-синтаксического критерия, объединяющего семантическую (тематическую) роль аргумента при глаголе (агент, пациент) и его синтак-

сическую функцию – подлежащего (субъекта) или прямого дополнения (объекта). В работе рассматриваются только глаголы изменения состояния у неодушевлённых предметов (типа «окно», «дверь», «вода», «снег», «ваза», «климат» и т.п.), они характеризуются наличием моноаргументной структуры, когда внутренний аргумент (пациенс, претерпевающий изменения) принимает не типичную для объекта синтаксическую функцию дополнения, а синтаксическую функцию подлежащего, тогда как внешний аргумент («истинное» подлежащее, агенс), повлекший изменение состояния у пациенса, отсутствует. Примеры (2) – (5) иллюстрируют данный феномен, глагол в них выражает инхотативное значение, которое мы в данном случае понимаем как синоним эргативного значения, то есть указание на изменение состояния без указания на внешнюю причину такого изменения.

Поскольку наше исследование посвящено особенностям бразильского варианта португальского языка, то все примеры обладают соответствующими лексическими и грамматическими чертами. В частности, прономинальный элемент «se», – ключевой для нашего исследования, – как и другие безударные местоименные клитики (например, «me», «nos», «o», «a») в приводимых примерах, стоит в препозиции к глаголу, что характерно для бразильского варианта португальского языка, в отличие от европейского (пиренейского) варианта, для которого действуют более сложные правила синтаксической дистрибуции клитик.

В соответствии с теоретическими положениями параграфа 1, глаголами изменения состояния в португальском языке являются глаголы аспектуальных классов accomplishment и achievement (по классической классификации З. Вендлера, или, по терминологии Е.В. Падучевой, «предельные» и «моментальные» [4]), каузирующие состояние пациенса, допускающие трансформацию «привести в состояние» <> «приобрести состояние» и участвующие в каузативном чередовании на уровне синтаксической модели, переходной или инхотативной, что определяется наличием двух (переходная) или одного (инхотативная) аргументов при глаголе.

6. *O menino quebrou a janela – A janela (se) quebrou.*

7. *O vento abriu a porta – A porta (se) abriu.*

Таким критериям удовлетворяют 682 глагола португальского языка, из которых 618 допускают употребление se в инхотативном значении [12, р. 36-44]. Эти глаголы могут быть разбиты на три группы по параметру одушевлённости–неодушевлённости подлежащего и дополнения в каузативной (переходной) модели, где одушевлённое подлежащее имеет семантическую роль агенса, неодушевлённое – роль инструмента (причины), дополнение – роль пациенса независимо от одушевлённости–неодушевлённости.

В первую группу войдут глаголы, имеющие одушевлённое подлежащее (агенс) и недифференцированное дополнение (глаголы типа *emancipar, qualificar*):

8. *A comissão qualificou o atleta.*

9. *O tribunal qualificou o crime.*

Во вторую группу войдут глаголы, имеющие недифференцированное подлежащее (агенс либо инструмент (причину)) и недифференцированное дополнение (*queimar, estragar*):

10. *O homem queimou sua pele.*

11. *O calor do fogo queimou meus olhos.*

В третью группу войдут глаголы, имеющие неодушевлённое подлежащее (инструмент) и одушевлённое дополнение (*desanimar, assustar*):

12. *O grito assustou a menina.*

Одушевлённость, несмотря на размытость границ этого понятия, противопоставляет семантическую роль агенса и инструмента (причины), действия агенса могут быть целенаправленными или случайными; инструмент, даже если действует самостоятельно, никогда не действует целенаправленно, это «слепая сила».

13. *A mulher estragou a festa (агенс) (Женщина испортила праздник).*

14. *A tempestade estragou a festa (инструмент/причина) (Непогода испортила праздник).*

Таким образом, одушевлённость тесно связана с волиитивностью, глаголы в выделенных трёх группах выглядят как строго волиитивные в первой группе (подлежащее – агенс), факультативно

волитивные во второй (подлежащее – агентс или инструмент) и строго неволитивные в третьей (подлежащее – инструмент). Для анализа были выбраны глаголы с факультативной волитивностью подлежащего и дополнения, поскольку именно они почти всегда допускают вариативное употребление «se» в инхоативном значении. Именно фактор конкуренции одушевлённых и неодушевлённых подлежащих лёг в основу гипотезы о существовании зависимости между прономинальным и непрономинальным употреблением глагола в инхоативном значении, с одной стороны, и феноменом одушевлённости подлежащего, с другой стороны.

3. Методика исследования

Для дальнейшего анализа список глаголов был существенно сокращён: были исключены глаголы, допускающие супплетивное чередование (типа *matar – morrer; ter filho – nascer*); были исключены глаголы с низкой частотностью или узкой сочетаемостью (типа *arredondar, ensebar*), а также глаголы, имеющие только одушевлённое подлежащие в инхоативном употреблении (типа *domesticar*). При анализе инхоативных употреблений были исключены контексты, содержащие одушевлённые подлежащие в функции возможного пациенса, так как для них не всегда можно чётко разграничить инхоативное (подлежащее – это пациенс) и рефлексивное (подлежащее – это агентс, а пациенс выражен рефлексивным местоимением «se», притом что агентс и пациенс в данном случае кореференты) значение элемента «se» (ср., например, инхоативное и рефлексивное прочтение предложения *Pedro cortou-se*, так как не ясно, то ли это произошло с Педру (инхоативное прочтение), то ли это сделал сам Педру намеренно (рефлексивное прочтение)). Таким образом, список был сокращён до 30 высокочастотных глаголов, которые показали преобладание каузативной либо инхоативной модели, что легло в основу их дифференциации. В ходе анализа мы исходили из соотношения базовой и вторичной моделей. Для глаголов каузативной модели базовой является переходная модель, а инхоативная модель возможна (*O vento abriu a porta – A porta (se) abriu*), для глаголов инхоативной модели базовой является инхоативная, а переходная модель возможна (*O clima esfriou – Aquele episódio esfriou as relações diplomáticas*). Таким образом, основной вопрос заключается в поиске причин распределения глаголов между базовой и вторичной моделями. В соответствии с основной гипотезой учитывалась частотность и соотношение одушевлённых и неодушевлённых существительных в функции подлежащего (синтактико-семантический параметр), также учитывались семантические особенности глагола, а именно характер изменения состояния (лексико-семантический параметр). Также учитывалось соотношение прономинального, то есть присутствует «se» (+SE), и непрономинального, то есть отсутствует «se» (–SE), употребления глагола в инхоативной модели. Анализируемые глаголы рассматривались в прошедшем совершенном времени изъявительного наклонения (*pretérito perfeito*), оно наиболее соответствует их аспектуальному классу и позволяет исключить неэргативные значения «se», в частности медиальное, которое указывает на способность быть объектом действия, получаемого извне (*Aquela porta se abre facilmente = É fácil abriremos aquela porta*). Все контексты были заимствованы из электронного корпуса португальского языка O CORPUS DO PORTUGUÊS (<https://www.corpusdoportugues.org>).

Список рассмотренных глаголов: *abrir**, *afundar**, *apagar*, *aquecer*, *aumentar*, *bloquear*, *colar*, *congelar**, *contaminar*, *derreter**, *desligar*, *diminuir*, *dobrar*, *encolher*, *esfriar*, *espalhar**, *esquentar*, *estabilizar*, *estragar*, *extinguir*, *fechar**, *fundir*, *juntar*, *quebrar**, *queimar**, *rasgar*, *recuperar*, *romper**, *secar**, *separar*. Были проанализированы 150 неповторяющихся контекстов на каждый глагол, всего 4500 контекстов. Глаголы, выделенные звёздочкой, совпадают с глаголами, рассмотренными для других языков в [16, p. 97], остальные глаголы были отобраны в соответствии с перечисленными выше критериями.

Описание грамматического поведения глаголов проводилось с учётом следующих позиций: 1) количественное соотношение каузативных и инхоативных моделей; 2) зависимость количества инхоативных моделей от одушевлённости/неодушевлённости подлежащего (синтактико-семантический параметр) или от характера изменения состояния (лексико-семантический параметр);

- 3) количественное соотношение внутри инхоативных моделей в пользу (+SE) или в пользу (–SE);
 4) возможные причины соотношения (+SE) и (–SE) в инхоативных моделях.

4. Результаты исследования

19 глаголов показали преобладание каузативной модели (59% всех контекстов), 11 глаголов показали преобладание инхоативной модели (41% всех контекстов), процентное соотношение глаголов (11 к 19) примерно совпадает с процентным соотношением контекстов, что говорит о системной реализации моделей.

Таблица 1

Абсолютное и процентное распределение контекстов с каузативным и инхоативным употреблением глаголов

Каузативные употребления 2618 59%		Инхоативные употребления 1882 41%	
Подлежащее AGENS (одуш.)	Подлежащее INSTR (неодуш.)	Непроминальные употребления –SE	Пронаминальные употребления +SE
1778 39% от общего кол-ва контекстов	840 19% от общего кол-ва контекстов	1426 32% от общего кол-ва контекстов; 76% от инхоативных употреблений	456 10% от общего кол-ва контекстов; 24% от инхоативных употреблений

4.1 Глаголы с преобладающей каузативной моделью

У 19 глаголов преобладает каузативная модель. Эти глаголы были разделены на две подгруппы: глаголы сильной внешней причины – каузативные контексты охватывают 70% и более от всех контекстов глагола; и глаголы слабой внешней причины – каузативные контексты охватывают 50% и более от всех контекстов глагола. Глаголы сильной внешней причины преобладают в количественном отношении.

4.1.1 Глаголы сильной внешней причины

Всего было обнаружено 13 глаголов данного типа. В таблице ниже они представлены по степени убывания частотности употребления одушевлённого подлежащего.

Таблица 2

Глаголы сильной внешней причины по убыванию случаев частотности употребления одушевлённого подлежащего по отношению к случаям употребления неодушевлённого подлежащего в каузативных моделях

	глагол	кол-во AGENS (одуш.) по отношению к INSTR (неодуш.)	кол-во –SE (лабил.)	кол-во +SE (антикауз.)	Общее кол-во инхоат. употр.	средн. кол-во случаев без местоим. –SE	среднее кол-во случаев с местоим. +SE
1	juntar	144/4 (148)	1	1	2	12	6
2	desligar	123/10 (133)	15	2	17		
3	separar	119/19 (138)	1	11	12		
4	abrir	112/27 (139)	3	7	10		
5	recuperar	107/25 (132)	4	14	18		
6	rasgar*	105/22 (127)	15	8	23		
7	bloquear	104/42 (146)	3	1	4		
8	fechar	84/26 (110)	27	13	40		
9	queimar	69/35 (104)	43	3	46	20	14
10	romper	69/36 (105)	18	27	45		
11	estragar	65/41 (106)	40	4	44		
12	extinguir	39/75 (114)	0	36	36		
13	contaminar	12/135 (147)	0	3	3		

15. *Ela desligou* a ligação e esperou que ele retornasse.
16. *A queda de energia desligou* semáforos e sinalizações de rua.
17. O *aparelho* que estava carregando, *desligou* e não ligou mais.
18. *A racionalidade se desligou* da teologia.
19. Minha *ex-mulher rasgou* todos os meus documentos.
20. *A quilha rasgou* minha perna, fazendo uma grande ferida.
21. O *teto* dele quase *rasgou*, a porta entortou.
22. O *véu* do santuário *se rasgou* em duas partes de alto a baixo.
23. Você *estragou* minha selfie.
24. Isso não *estragou* o livro.
25. Os produtos mudam de cor e de cheiro, como sinal de que a *matéria-prima estragou*.
26. Ele esperaria 30-40 anos para ver como *aquilo se estragou*.

Глаголы сильной внешней причины были разбиты на две подгруппы по формальному и по семантическому признакам. Граница между подгруппами обозначена в Таблице 2 жирной чертой. Формальный признак опирается на частотность употребления одушевлённого подлежащего в каузативной модели, семантический признак опирается на лексическую семантику глагола.

4.1.1.1 Формальный признак

Глаголы 1–8 имеют более 50% случаев употребления одушевлённых подлежащих в функции агенса из всех рассмотренных контекстов данного глагола, а глаголы с 9 по 13 – менее 50%. Наряду с уменьшением частотности одушевлённых подлежащих закономерно возрастает частотность употребления неодушевлённых подлежащих (инструмент); это менее выражено в группе (1–8) и более выражено в группе (9–13). Как видно из таблицы, группы глаголов (1–8) и (9–13) значительно отличаются средним числом инхоативных употреблений (независимо от наличия либо отсутствия «se» в инхоативной модели). Также по таблице видно, что по мере падения количества случаев агенса-подлежащего количество случаев инструмента-подлежащего возрастает, но не пропорционально (за исключением глагола *contaminar*), что видно по последовательному снижению суммы контекстов с агенсом и причиной (указано в скобках). Перераспределение частотности происходит в пользу инхоативных реализаций.

Таким образом, можно сформулировать следующую зависимость: у глаголов сильной внешней причины высокий процент случаев употребления одушевлённого подлежащего в каузативной модели коррелирует с низким процентом случаев инхоативных употреблений (*juntar, separar, abrir*), а глаголы с относительно высоким процентом случаев употребления неодушевлённого инструмента в функции подлежащего коррелируют с более высоким процентом случаев инхоативных употреблений, как прономинального, так и непрономинального типа (*queimar, romper, estragar*).

Тем не менее, один глагол второй подгруппы (*contaminar*) вопреки сформулированной зависимости имеет низкий показатель инхоативных употреблений. Нестандартное поведение этого глагола может быть объяснено тем, что в отличие от других глаголов подгруппы *contaminar* является слабо агентивным, его действие носит преимущественно нецеленаправленный характер, поэтому его базовым подлежащим выступает неодушевлённый деятель (агенса), «слепая причина» (инструмент), что подтверждается его относительно низкой сочетаемостью с личными местоимениями 1 и 2 лица (*eu, você*) в функции подлежащего. Это сближает его с глаголами, предполагающими наличие инструмента, хотя и необязательно эксплицированное, типа *engomar, serrar* (*Um marceneiro serrou [com uma serra] uma tábua em cinco pedaços iguais*), и не допускающими инхоативного употребления (**A tábua (se) serrou*).

4.1.1.2 Семантический признак

Глаголы первой подгруппы (1–8), за исключением глагола *rasgar*, помеченного звёздочкой, – это глаголы преимущественно неискажающего (недеформирующего) изменения. Глаголы второй подгруппы (9–13), за исключением последнего (*contaminar*), – это глаголы искажающего (деформирующего) изменения. Поскольку общей чертой всех глаголов, рассматриваемых в данной ра-

боте, является «изменение состояния», то искажающее или необратимое изменение, типа *estragar, queimar* (*Você estragou minha selfie; O raio queimou o equipamento*), можно рассматривать как базовое, а обратимое или неискажающее изменение состояния, типа *abrir, bloquear* (*A companhia Entel bloqueou o celular*), можно рассматривать как вторичное. Как следствие, более высокий процент инхоативных употреблений для глаголов базового типа изменения состояния представляется логичным, поэтому глаголы *queimar, romper, estragar, extinguir* употребляются в инхоативных контекстах чаще, чем глаголы недеформирующего изменения, типа *desligar, separar, abrir*.

4.1.2 Глаголы слабой внешней причины

Всего было обнаружено 6 глаголов данного типа, они расположены ниже в таблице по убыванию случаев частотности употребления одушевлённого подлежащего.

Таблица 3

Глаголы слабой внешней причины по убыванию случаев частотности употребления одушевлённого подлежащего по отношению к случаям употребления неодушевлённого подлежащего в каузативных моделях

	глагол	Количество AGENS (одуш.) по отношению к INSTR (неодуш.)	Количество – SE (лабил.)	Количество +SE (антикауз.)	Общее кол-во инхоат. употр.	среднее кол-во случаев без местоимения –SE	среднее кол-во случаев с местоимением +SE
1	colar	95/0 (95)	53	2	55	43	17
2	quebrar	76/16 (92)	49	9	58		
3	apagar	66/36 (102)	24	24	48		
4	fundir	53/27 (80)	23	47	70		
5	congelar	40/43 (83)	59	8	67		
6	aquecer	21/63 (84)	50	16	66		

27. A *ex-mulher* **aqueceu** a faca e queimou a mão.
28. Seu calor me **aqueceu**.
29. O planeta **aqueceu** numa média de 0,17° C por década.
30. No caso do copo, a *camada de vidro* interna **se aqueceu** e dilatou.
31. Quem **apagou** a luz?
32. A paisagem não é a realidade que o *sonho* não **apagou**.
33. As luzes que iluminavam, inclusive a luz do carro, *farol e tudo* que emite luz **apagou**.
34. Estava quase acabando quando a luz **se apagou**.

Как видно из Таблицы 3, последовательное снижение частотности одушевлённого подлежащего напрямую коррелирует с последовательным, почти линейным возрастанием частотности неодушевлённой причины в той же функции. При этом в отличие от глаголов сильной внешней причины глаголы данной группы образуют инхоативные значения более «компактно», разница в частотности между самым редким в инхоативном употреблении глаголом (*apagar*) и самым частотным (*fundir*) составляет около 30%, тогда как для глаголов сильной внешней причины эта разница достигала десятков раз (ср. Таб. 2). Также из Таблицы 3 видно, что из трёх глаголов, имеющих максимальное количество инхоативных употреблений (*fundir, congelar, aquecer*) два последних глагола имеют в качестве более частотного подлежащего неодушевлённую причину.

Для данной подгруппы можно сформулировать такую же зависимость, как и для глаголов сильной внешней причины: по мере снижения количества употреблений одушевлённых существительных в функции подлежащего растёт, хотя и не линейно, количество употреблений глагола в инхоативных моделях.

4.1.3 Дистрибуция прономинальных и непрономинальных употреблений глаголов сильной и слабой внешней причины в инхоативных моделях

Что касается количественного распределения прономинальных и непрономинальных употреблений в инхоативных значениях, у глаголов слабой внешней причины (*aquecer, fundir*) непроно-

минальных употреблений в среднем в два раза больше по сравнению с глаголами сильной внешней причины (*desligar, abrir, bloquear*) – 43 против 20, соответственно (ср. Таб. 2 и Таб. 3).

Что касается качественного, поглагольного, распределения прономинальных употреблений, линейной зависимости не выявлено. Если посмотреть на соотношение прономинальных и непрономинальных форм глагола в инхоативной модели в подгруппах сильной и слабой внешней причины, можно обнаружить следующее соотношение: количество глаголов, предпочтительно выбирающих непрономинальный тип (–SE) в инхоативном употреблении, составляет 10 из 19 (52% глаголов) (*desligar, rasgar, bloquear, fechar, queimar, estragar, colar, quebrar, congelar, aquecer*), то есть немногим более половины лексем предпочитает непрономинальное употребление, а количество глаголов, предпочтительно выбирающих прономинальный тип (+SE) в инхоативном употреблении, составляет 8 из 19 (42% глаголов) (*juntar, separar, abrir, recuperar, romper, extinguir, contaminar, fundir*), при этом один глагол (*apagar*) имеет равное число прономинальных и непрономинальных употреблений. Однако, суммарное количество контекстов с прономинальным и непрономинальным употреблением не составляет приблизительно 50% на 50%. Общее число инхоативных контекстов с (–SE) равно 428, число контекстов с (+SE) – 236, то есть непрономинальные контексты встречаются почти в два раза чаще, что подтверждают также цифры среднего количества случаев, суммарно получаемых по Таблицам 2 и 3: 75 (–SE) на 37 (+SE).

Подобная неравномерность распределения прономинальных и непрономинальных употреблений по лексемам, не зависящая от синтактико-семантических (одушевлённость/неодушевлённость подлежащего) и лексико-семантических признаков (наличие определённых параметров в семантике глагола), хорошо иллюстрируется «непоследовательным» поведением некоторых высокочастотных глаголов, выбирающих прономинальную или непрономинальную модель иногда в зависимости от того, с какими существительными в функции подлежащего они сочетаются, а иногда демонстрирующими тенденцию, но не строгую дистрибуцию.

Так, например, глагол *abrir* «открыть», показавший при стандартной выборке в 150 контекстов 3 непрономинальных употребления и 7 прономинальных в инхоативной модели (Таб. 2) (то есть прономинальных примерно в 2 раза больше), при анализе сочетаемости исключительно в инхоативных значениях обнаруживает значительно большую вариантивность. Для выборочной проверки были взяты несколько наиболее частотных неодушевлённых существительных, регулярно выступающих в функции подлежащего при глаголе *abrir*. Полученная статистика выглядит следующим образом:

Таблица 4

*Дистрибуция прономинальных и непрономинальных употреблений глагола **abrir** «открыть» с частотными подлежащими в инхоативных значениях*

Подлежащее	Прономинальная (+SE)	Непрономинальная (–SE)
mundo	mundo se abriu (97%)	mundo abriu (3%)
céu	céu se abriu (88%)	céu abriu (12%)
coração	coração se abriu (87%)	coração abriu (13%)
porta	porta se abriu (75%)	porta abriu (25%)
boca	boca se abriu (62%)	boca abriu (38%)
buraco	buraco se abriu (60%)	buraco abriu (40%)
portão	portão se abriu (57%)	portão abriu (43%)
mercado	mercado se abriu (50%)	mercado abriu (50%)
janela	janela se abriu (43%)	janela abriu (57%)
casa	casa se abriu (17%)	casa abriu (83%)
sinal	sinal se abriu (3%)	sinal abriu (98%)
empresa	empresa se abriu (0%)	empresa abriu (100%)

35. Michael congelou, ao ler o título, e **sua boca abriu**, em seguida fechou.

36. **Sua boca se abriu** mas nenhum som saiu dela.

37. Já fiz o teste e **a janela abriu** normalmente.

38. Em seus cálculos, **a janela** demográfica **se abriu** entre 1970 e 1975.

39. **A porta** da frente **abriu** e ele olhou em volta.

40. **A porta** nunca mais **se abriu** para elas.

Как видно из Таблицы 4, некоторые существительные сочетаются почти исключительно с прономинальной (*mundo, céu, coração*) или с непрономинальной формой глагола (*casa, sinal, empresa*). Предположение о влиянии метафорического или неметафорического значения не подкрепляется фактами: и для тех, и для других существительных семантика «открыться» метафорична (*o mundo se abriu; o céu se abriu; a empresa abriu; o sinal abriu*). В неметафорических значениях (прим. 5–10) даже близкие по семантике существительные (*porta, portão, buraco, janela*) сочетаются преимущественно с прономинальной или непрономинальной формой глагола. При этом 7 из 12 существительных, представленных в Таблице 4, преимущественно выбирают глагол *abrir* в прономинальной форме, что соответствует общей статистике по этому глаголу (ср. Таб. 2).

Приведём примеры употребления прономинальной и непрономинальной форм для глагола *fechar* «закрыть», являющегося во многих контекстах антонимом глагола *abrir*. Глагол *fechar* при общей выборке показал двукратное преобладание непрономинальных употреблений перед прономинальными (ср. Таб. 2), при этом конкретная дистрибуция прономинальных и непрономинальных форм в контекстах с часто встречающимися существительными показывает, что непрономинальные употребления гораздо более частотны.

Таблица 5

Дистрибуция прономинальных и непрономинальных употреблений глагола fechar «закрыть» с частотными подлежащими в инхоативных моделях

Подлежащее	Прономинальная (+SE)	Непрономинальная (–SE)
porta	porta SE fechou (75%)	porta Ø fechou (25%)
mercado	mercado SE fechou (16%)	mercado Ø fechou (84%)
casa	casa SE fechou (9%)	casa Ø fechou (91%)
janela	janela SE fechou (7%)	janela Ø fechou (93%)
loja	loja SE fechou (6%)	loja Ø fechou (94%)
empresa	empresa SE fechou 0%	empresa Ø fechou 100%

41. Na troca de pilotos **a porta não fechou**.

42. Inexplicavelmente **a porta se fechou** e ele ficou preso dentro da câmara.

43. É claro que **a janela não fechou**, os caras ainda não saíram.

44. É claro que **essa janela logo se fechou** novamente, mas enquanto estava aberta foi ótimo.

Поскольку *fechar* и *abrir* связаны регулярными антонимическими отношениями, следует ожидать сходного грамматического поведения этих глаголов в сходных лексико-синтаксических контекстах – (не)прономинальное инхоативное употребление глагола с идентичным неодушевлённым подлежащим. Сопоставление Таблиц 4 и 5 показывает, что только два существительных (*porta, empresa*) сочетаются с прономинальной или непрономинальной формой соответствующих глаголов с одинаковой частотностью. Три существительных (*mercado, casa, janela*) обнаруживают различную сочетаемость, причём два из них (*mercado, janela*) отличаются достаточно сильно, в обоих случаях глагол *fechar* охотнее выбирает непрономинальную форму.

Резюмируя данные Таблиц 4 и 5, отметим, что, хотя статистика распределения прономинальных и непрономинальных форм глаголов *abrir, fechar* с частотными подлежащими в целом совпадает с общей статистикой по данным глаголам (примерно двукратное преобладание прономинальных употреблений у *abrir* и такое же для непрономинальных у *fechar* (см. Таб. 2)), конкретное лексическое наполнение может резко противоречить общей тенденции. Это, на наш взгляд, подтверждает точку зрения, высказанную в [7, р. 56], согласно которой при каузативном чередовании грамматическое маркирование зависит от языковой концептуализации события внутри глагольной структуры, то есть фактически от комбинации глагола и типа его внутреннего объекта.

4.2 Глаголы с преобладающей инхоативной моделью

У 11 глаголов преобладает инхоативная модель. Для глаголов данной группы релевантным является лексико-семантический параметр. Таким параметром выступает неодинаковый у разных глаголов характер изменения состояния. При изменении состояния объекта можно выделить изменение состояния трёх типов: 1) по отношению к другим объектам; 2) по отношению к некоторой норме; 3) по отношению к предыдущему состоянию того же объекта. К первому подтипу можно отнести глаголы пространственного соотношения объектов между собой (например, *juntar, colar, desligar, abrir, afundar, espalhar*); ко второму подтипу можно отнести глаголы, чья семантика предполагает соотнесение с нормой/идеалом (например, *estragar, rasgar, recuperar, extinguir, estabilizar*); к третьему подтипу можно отнести глаголы, чьё изменение состояния происходит как бы «внутри» того же объекта и допускает градацию по шкале «больше – меньше», что предполагает, в свою очередь, обратимость таких изменений (например, *aumentar, diminuir, esfriar, esquentar, secar, encolher*). Одним из формальных показателей выделяемости третьего, последнего, подтипа глаголов в отдельную группу можно считать их способность регулярно сочетаться с интенсификаторами типа *muito* («очень»; «много»), *(um) pouco* («немного»; «мало»); *completamente* («полностью») и другими показателями градуативности. Так, для глаголов первого типа (*juntar, colar, abrir, etc.*) процент сочетаемости в инхоативном значении с лексемой *muito* составляет от 0% до 0,06% от общего количества контекстов глагола, для глаголов второго подтипа (*estragar, rasgar, recuperar, etc.*) – от 0% до 0,2%; для глаголов третьего подтипа (*esfriar, diminuir, esquentar, etc.*) – от 0% до 4%, то есть в десятки раз больше. Нетрудно заметить, что глаголы первых двух подтипов относятся преимущественно к глаголам сильной или слабой внешней причины, а глаголы последнего подтипа – преимущественно к глаголам внутренней причины.

Глаголы внутренней причины были распределены по принципу нарастания частотности сочетаемости с интенсификатором *muito*, типа (*A dor diminuiu muito; A população aumentou muito; O amor esfriou muito; O gelo não derreteu muito*). Важно отметить, что интенсификатор *muito* не анализируется в работе и не рассматривается в интересующих нас контекстах, а применяется как инструмент дифференциации глаголов.

Таблица 6

Глаголы внутренней причины по нарастанию частотности сочетаемости с интенсификатором *muito*

	глагол	процент контекстов «глагол+muito» от общего числа контекстов глагола	кол-во –SE	кол-во +SE	ко-во каузативн. употребл. AGENS (одуш.) по отнош. К INSTR (неодуш.)	среднее кол-во случаев без местоимения –SE	среднее кол-во случаев с местоимением +SE
1	diminuir	3,78%	114	1	13/22*	91	20
2	esquentar	2,9%	110	0	23/17		
3	aumentar	2,7%	119	2	10/19*		
4	esfriar	2,6%	124	9	4/13*		
5	encolher	1,3%	96	4	50/0		
6	secar	1,2%	109	5	27/9		
7	derreter	0,8%	93	13	9/35*		
8	estabilizar	0,3%	30	82	19/19*		
9	espalhar	0,06%	6	96	39/4		
10	afundar	0,06%	96	6	24/24*		
11	dobrar	0%	105	3	31/11		

45. Nunca fez frio, mas de ontem pra hoje o **clima esfriou**.

46. Só apareceriam no final da era Cenozóica, quando o **clima se esfriou**.

47. A **neve derreteu** e as chuvas da primavera limpam as últimas marcas do inverno.

48. O **boneco de neve** foi **se derretendo** pouco a pouco. Parece que **se derreteu** por causa de nossas lágrimas.

49. O **número** de brasileiros descendentes de japoneses **aumentou** nos últimos anos.

50. De lá para cá só **se aumentou** e aperfeiçoou o **esquema**.

Как видно из Таблицы 6, по мере убывания частотности контекстов с интенсификатором *muito* снижается, хотя и не линейно, количество непрономинальных употреблений глагола в инхоативной модели. Таким образом, градуативная способность глагола оказывается связанной с его способностью к более регулярному или менее регулярному употреблению в непрономинальной форме. Из первых 6 глаголов, у которых процент контекстов с *muito* больше 1%, только у одного (*encolher*) число непрономинальных употреблений меньше ста; напротив, из 5 последних глаголов с процентом встречаемости *muito* меньше 1% только у одного (*dobrar*) количество непрономинальных употреблений больше ста. У двух глаголов (*espalhar*, *estabilizar*) преобладает прономинальное употребление (+SE), эти глаголы обладают низким градуативным показателем и относятся к первым двум семантическим подтипам: пространственного соотношения (*espalhar*) и соотношения с нормой (*estabilizar*), то есть сближаются в своём грамматическом поведении (выбор между прономинальной и непрономинальной формой) с глаголами внешней причины, для которых характерно более равномерное распределение прономинальных и непрономинальных форм (ср. Таб. 2 и Таб. 3). Нулевой процент встречаемости *muito* показал глагол *dobrar*, что связано с его семантикой: идея удвоения, складывания пополам, то есть идея «двойки», лежащая в основе значения этого глагола, не сочетается с диффузной семантикой слова *muito*.

Ещё одной особенностью глаголов внутренней причины является их достаточно регулярная морфологическая производность от прилагательных. Из всех 30 рассмотренных глаголов с факультативной волитивностью 8 являются производными от прилагательных (*esquentar* и *aquecer* – *quente*; *esfriar* – *frio*; *secar* – *seco*; *estabilizar* – *estável*; *afundar* и *fundir* – *fundo*; *juntar* – *junto*), при этом к глаголам сильной внешней причины принадлежат только один (*juntar*), к глаголам слабой внешней причины – 2 (*fundir*, *aquecer*), остальные 6 принадлежат к глаголам внутренней причины (*esquentar*, *esfriar*, *secar*, *estabilizar*, *afundar*, *dobrar*). Производность от прилагательного указывает на первичность признака как основного параметра состояния, в то время как сугубо глагольная этимология (например, *abrir*, *queimar*, *recuperar*) указывает на первичность воздействия как причины изменения состояния. Очевидно, что признак «принадлежит» состоянию, а действие «принадлежит» деятелю. В этой связи представляется не случайным, что в подгруппе глаголов внутренней причины (Таб. 6) в каузативных контекстах (чьё количество закономерно ниже, чем количество инхоативных) у 6 глаголов (помечены звёздочкой) из 11 одушевлённое подлежащее встречается реже или столько же раз, сколько неодушевлённое. При этом у глаголов каузативной модели таких случаев всего 4 на 19 глаголов. Снижение количества контекстов с одушевлёнными подлежащими (синтактико-семантический параметр) у глаголов с преимущественно инхоативной моделью в целом коррелирует с лексико-семантическим параметром.

В целом можно говорить о тенденции к снижению встречаемости прономинальных форм в инхоативных значениях и, соответственно, о нарастании так называемых лабильных употреблений глагола. Наши результаты подкрепляются данными для более широкого круга глаголов в бразильском варианте португальского языка, в том числе сугубо агентивного типа [8; 20].

5. Заключение

Обобщая грамматическое поведение глаголов с факультативной волитивностью, можно отметить некоторое преобладание каузативных употреблений над инхоативными (см. Таб. 1), что говорит о том, что рассмотренные глаголы предпочитают переходные модели.

Для глаголов с преобладающей каузативной моделью релевантным для частотности инхоативных употреблений является соотношение одушевлённых и неодушевлённых подлежащих: снижение частотности одушевлённых подлежащих ведёт к росту числа инхоативных употреблений; синтактико-семантический параметр ((не)одушевлённость подлежащего) играет ведущую роль, лексико-семантический параметр ((не)деформирующее изменение состояния) – второстепенную роль.

Для глаголов с преобладающей инхоативной моделью релевантными оказываются семантические особенности: по мере снижения градуативных возможностей глагола снижается, хотя и

не линейно, число непрономинальных употреблений; лексико-семантический параметр (способность к градуативности) играет ведущую роль, синтактико-семантический параметр ((не)одушевлённость подлежащего) – второстепенную роль. Таким образом, синтактико-семантический параметр ((не)одушевлённость подлежащего) и лексико-семантический параметр (характер изменения состояния) связаны, но их релевантность зависит от типа модели.

При сопоставлении глаголов каузативной и инхоативной моделей хорошо заметно нарастание процента непрономинальных употреблений глагола в инхоативных (эргативных) значениях: в среднем 60% употреблений без «se» (–SE) у глаголов сильной внешней причины, 72% – у глаголов слабой внешней причины и 82% – у глаголов внутренней причины (см. Таб. 2, 3, 6). Внутри группы глаголов внешней причины прослеживается зависимость между одушевлённостью подлежащего в каузативных моделях и наличием / отсутствием «se» в инхоативных: у глаголов с высоким процентом одушевлённых подлежащих, в частности у глаголов сильной внешней причины, процент случаев отсутствия в инхоативном значении «se» будет существенно ниже, чем у глаголов с низким процентом одушевлённых подлежащих, в частности у глаголов слабой внешней причины (см. Таб. 2, 3).

Обобщая, можно сказать, что каузативные модели чаще коррелируют с прономинальной формой глагола в инхоативном употреблении, а инхоативные модели – с непрономинальной. Относительно низкая частотность прономинальных форм у глаголов в инхоативной модели коррелирует с принципом «соответствия формы и частотности» (form-frequency correspondence), в соответствии с которым менее частотная модель (форма) стремится получить дополнительный грамматический маркер [17, p. 592]. Для глаголов каузативной модели базовой является переходная структура, никогда не маркируемая с помощью «se», поэтому вторичная модель, инхоативная (эргативная), чаще маркируется с помощью «se». Для глаголов инхоативной (эргативной) модели базовой является непереходная структура, поэтому она значительно реже маркируется с помощью «se».

Можно говорить о тенденции в бразильском варианте современного португальского языка к распаду семантико-морфологической оппозиции «не маркированная каузативная модель <=> SE-маркированная инхоативная модель» в пользу лабильного употребления глагола, никак не маркированного в обоих случаях. Это коррелирует с нашим наблюдением над старопортугальским языком, для которого было более характерно употребление прономинальных форм в инхоативном значении [1] и не противоречит обобщению М. Хаспельмата о возможном замещении одного типа каузативно-инхоативного чередования другим типом [17, p. 602-603].

© Гуревич Д.Л., 2021

Список литературы

1. Гуревич Д.Л. Прономинальное и непрономинальное употребление глаголов в старопортугальском и современном португальском языке. // Вопросы иберо-романистики. / Ю.Л. Оболенская, М.С. Снеткова (ред.). Том. 17. М.: МАКС Пресс, 2019. С. 169–184.
2. Летучий А.Б. Типология лабильных глаголов. // Вопросы языкознания. 2009. №4. С. 41–71.
3. Недалков В.П. Типология каузативных конструкций. / В.П. Недалков, Г.Г. Сильницкий // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. / А. А. Холодович (ред.). Л.: Наука, 1969. С. 5–19.
4. Падучева Е.В. Лексическая аспектuality и классификация предикатов по Маслову-Вендлеру. // Вопросы языкознания. 2009. № 6. С. 3–20.
5. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУБ 2011. 672 с.
6. Alexiadou A. et al. (eds). The unaccusative puzzle: explorations of the syntax-lexicon interface. / A. Alexiadou, E. Anagnostopoulou, M. Everaert (eds). New York: Oxford University Press, 2004. 372 p.
7. Alexiadou A. External arguments in transitivity alternations. A layering approach. / A. Alexiadou, E. Anagnostopoulou, F. Schäfer. Oxford: Oxford University Press, 2015. 232 p.
8. Amaral L. Alternância de transitividade com verbos agentivos em PB: *a louça já lavou, a casa já vendeu, o caminhão já carregou*. / Amaral L., Cançado. L. Amaral, M. Cançado // Revista de Estudos da Linguagem. Belo Horizonte. 2017. v. 25, n. 4. P. 1871–1904.

9. Azeredo J. C. Gramática Houaiss da língua portuguesa. 3a ed. São Paulo: Publifolha, 2014. 583 p.
10. Bechara E. Moderna gramática portuguesa. 37 ed. rev. e ampl. Rio de Janeiro: Lucerna, 2001 (1961). 672 p.
11. Burzio L. Italian Syntax: A Government-Binding Approach. / Burzio L. Dordrecht: Kluwer, 1986. 468 p.
12. Cançado M. Catálogo de verbos do português brasileiro. Vol. 1 Verbos de mudança. / M. Cançado, L. Godoy, L. Amaral. Belo Horizonte: Ed. UFMG, 2013. 404 p.
13. Cegalla, D. P. Novíssima Gramática da Língua Portuguesa. (45a edição). São Paulo: Companhia Editora Nacional, 2002. 624 p.
14. Cunha C., Cintra L. Nova gramática do português contemporâneo. Rio de Janeiro: Nova Fronteira, 1985. 714 p.
15. Duarte I. Construções ativas, passivas, incoativas e medias // Raposo E. P. et. al. Gramática do português, 2 Vols. Lisboa: Fundação Calouste Gulbenkian, 2013. 2408 p.
16. Haspelmath M. More on the typology of inchoative/causative verb alternations. // Causatives and transitivity. / B. Comrie, M. Polinsky (eds). Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins Publishing, 1993. P. 87–121.
17. Haspelmath M. Coding causal-noncausal verb alternations: a form-frequency correspondence explanation. / M. Haspelmath, A. Calude, M. Spagnol et al. // Journal of Linguistics. 2014. n. 50 (03). P.587–625.
18. Levin B. Unaccusativity: at the syntax-lexical semantics interface. / B. Levin, M. Rappaport Hovav. Cambridge: MIT Press, 1995. 336 p.
19. Mendikoetxea A. Relaciones de Interficie: los verbos de cambio de estado. // Cuadernos de Lingüística. 2000. n. 7. P. 125–144.
20. Negrão E. V. A estrutura sintática das sentenças absolutas no português brasileiro. / E. V. Negrão, E. Viotti // Lingüística. 2010. vol. 23. P. 37–58.
21. Negrão E. V. A ergativização do português brasileiro: uma conversa continuada com Carlos Franchi. / E. V. Negrão, E. Viotti // Estudos da linguagem. Casamento entre temas e perspectivas. / D. da Hora, E. V. Negrão (eds.). João Pessoa: Ideia Ed. Universitária, 2011. P. 37–61.
22. Tesnière L. Éléments de syntaxe structural. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1959. 673 p.
23. Vivanco M. La conceptualización de los eventos de cambio de estado y la alternancia lábil en español. // ELUA. 2017. n.31. P. 327–347.
24. Wetzels W. L.; Menuzzi S.; Costa J. (Eds.). The Handbook of Portuguese Linguistics. USA: Wiley-Blackwell, 2016. 595 p.

Источники

1. O Corpus do Português – Корпус португальского языка. Электронный ресурс. – URL: <https://www.corpusdoportugues.org>

References

1. Gurevich, D.L. Pronominal'noe i nepronominal'noe upotreblenie glagolov v staroportugal'skom i sovremennom portugal'skom iazyke. [Pronominal and non-pronominal use of verbs in Old and Modern Portuguese] / D.L. Gurevich // *Voprosy iberoromanistiki*. Tom. 17. [Issues of Ibero-Romance linguistics. Vol. 17] / Obolenskaia Iu.L., Snetkova M.S. (red.). M.: MAKSS Press, 2019. P. 169–184.
2. Letuchii, A.B. Tipologiya labil'nykh glagolov. [Typology of labile verbs] / A.B. Letuchii // *Voprosy iazykoznanii* [Issues of linguistics]. 2009. №4. P. 41–71.
3. Nedialkov, V.P. Tipologiya kauzativnykh konstruksii [Typology of causative constructions] / V.P. Nedialkov, G.G. Sil'nickii // *Tipologiya kauzativnykh konstruksii. Morfolozhicheskii kauzativ*. [Typology of causative constructions. Morphological causative] / A. A. Holodovich (red.). L.: Nauka, 1969. P. 5–19.
4. Paducheva, E.V. Leksicheskaia aspektual'nost' i klassifikatsiia predikatov po Maslovu-Vendleru. [Lexical aspect and classification of predicates in Maslov's and Vendler's conceptions] / E.V. Paducheva // *Voprosy iazykoznanii*. [Linguistic issues]. 2009. № 6. P. 3–20.
5. Plungian, V.A. *Vvedenie v grammaticheskuiu semantiku: grammaticheskie znachenii i grammaticheskie sistemy iazykov mira*. [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of languages of the world] / V. A. Plungian. Moscow: RGGUB, 2011. 672 p.
6. Alexiadou, A. et al. (eds) *The unaccusative puzzle: explorations of the syntax-lexicon interface*. / A. Alexiadou, E. Anagnostopoulou, M. Everaert (eds). New York: Oxford University Press, 2004. 372 p.
7. Alexiadou, A. *External arguments in transitivity alternations. A layering approach*. / A. Alexiadou, E. Anagnostopoulou, F. Schäfer. Oxford: Oxford University Press, 2015. 232 p.
8. Amaral, L. Alternância de transitividade com verbos agentivos em PB: *a louça já lavou, a casa já vendeu, o caminhão já carregou*. [Transitive alternation with agentive verbs in Brazilian Portuguese: *a louça já lavou, a casa já vendeu, o caminhão já carregou*.] / L. Amaral // *Revista de Estudos da Linguagem, Belo Horizonte*. [Journal of language studies, Belo Horizonte]. 2017. v. 25, n. 4. P. 1871–1904.
9. Azeredo, J. C. *Gramática Houaiss da língua portuguesa*. [Houaiss grammar of the Portuguese language.] / J. C. Azeredo. 3rd ed. São Paulo: Publifolha, 2014. 583 p.
10. Bechara, E. *Moderna gramática portuguesa*. [Modern grammar of Portuguese.] / E. Bechara. 37 ed. rev. e ampl. Rio de Janeiro: Lucerna, 2001 (1961). 672 p.
11. Burzio, L. *Italian Syntax: A Government-Binding Approach*. / L. Burzio. Dordrecht: Kluwer, 1986. 468 p.
12. Cançado, M. *Catálogo de verbos do português brasileiro. Vol. 1 Verbos de mudança*. [Catalogue of Brazilian Portuguese verbs. Vol. 1 Verbs of change] / M. Cançado, L. Godoy, L. Amaral. Belo Horizonte: Ed. UFMG, 2013. 404 p.

13. Cegalla, D.P. *Novíssima Gramática da Língua Portuguesa*. [The most modern grammar of the Portuguese language.] / D. P. Cegalla. (45th ed.). São Paulo: Companhia Editora Nacional, 2002. 624 p.
14. Cunha, C. *Nova gramática do português contemporâneo*. [The new grammar of Modern Portuguese.] / C. Cunha, L. Cintra. Rio de Janeiro: Nova Fronteira, 1985. 714 p.
15. Duarte, I. Construções ativas, passivas, inchoativas e medias [Active, passive, inchoative and medial constructions] / I. Duarte // Raposo E. P. et. al. *Gramática do português* [Grammar of Portuguese]. 2 Vols. Lisboa: Fundação Calouste Gulbenkian, 2013. 2408 p.
16. Haspelmath, M. More on the typology of inchoative/causative verb alternations. // *Causatives and transitivity*. / B. Comrie, M. Polinsky (eds). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1993. P. 87–121.
17. Haspelmath, M. Coding causal-noncausal verb alternations: a form-frequency correspondence explanation. / M. Haspelmath, A. Calude, M. Spagnol et al. // *Journal of Linguistics*. 2014. n. 50 (03). P.587–625.
18. Levin, B. *Unaccusativity: at the syntax-lexical semantics interface*. / B. Levin, M. Rappaport Hovav. Cambridge: MIT Press, 1995. 336 p.
19. Mendikoetxea, A. Relaciones de Interficie: los verbos de cambio de estado. [Interface relations: change-of-state verbs] / A. Mendikoetxea // *Cuadernos de Lingüística*. [Linguistic Papers]. 2000. N. 7. P. 125–144.
20. Negrão, E. V. A estrutura sintática das sentenças absolutas no português brasileiro. [Syntactic structure of absolute sentences in Brazilian Portuguese] / E. V. Negrão, E. Viotti // *Lingüística*. [Linguistics]. 2010. vol. 23. P. 37–58.
21. Negrão, E. V. A ergativização do português brasileiro: uma conversa continuada com Carlos Franchi. [Ergativization in Brazilian Portuguese: the ongoing discussion with Carlos Franchi] / E. V. Negrão, E. Viotti // *Estudos da linguagem. Casamento entre temas e perspectivas*. [Language studies. Agreement between themes and perspectives]. / D. da Hora, E. V. Negrão (eds.). João Pessoa: Ideia Ed. Universitária, 2011. P. 37–61.
22. Tesnière, L. *Éléments de syntaxe structural*. [Elements of structural syntax.] / L. Tesnière. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1959. 673 p.
23. Vivanco, M. La conceptualización de los eventos de cambio de estado y la alternancia lábil en español. [Conceptualization of change-of-state events and the labile alternation in Spanish] / M. Vivanco // *ELUA*. n.31. S. 327–347.
24. Wetzels, W. L.; Menuzzi S.; Costa J. (Eds.). *The Handbook of Portuguese Linguistics*. USA: Wiley-Blackwell, 2016. 595 p.

Sources

1. O Corpus do Português – URL: <https://www.corpusdoportugues.org>

Сведения об авторе:

Гуревич Дмитрий Львович – кандидат филологических наук, доцент МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, кафедра иберо-романского языкознания. Область научных интересов: общее языкознание, романское языкознание, португальский язык Бразилии, испанский язык, семантика, прагматика, социолингвистика, теория языковой нормы, история языка. Email: caipira@yandex.ru

About the author:

Dmitry Gurevich – PhD, Associate Professor at Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, Department of Ibero-Romance linguistics. Research interests: general linguistics, Romance linguistics, Brazilian Portuguese, Spanish, semantics, pragmatics, sociolinguistics, theory of language norm, language change. Email: caipira@yandex.ru

* * *